

О. О. Графутко
Минск, МГЛУ

СПОСОБЫ КОНКРЕТИЗАЦИИ ЗНАЧЕНИЯ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Рассматривается категория эмотивности, выраженная лексическими средствами в художественном дискурсе на английском и белорусском языках. Главное внимание уделяется анализу неоднозначных лексем, потенциально способных описывать более одной эмоции, а также способам их конкретизации, среди которых выделяются уточнение в предшествующем и последующем контексте, а также анализ ситуации, в которой реализуется данная лексема. Проводится сравнение частоты употребления выявленных способов конкретизации значения в двух языках.

По меткому замечанию В. И. Шаховского, «язык – это биологическое приспособление для передачи информации, для адаптации человека в мире, для репрезентаций в процессе общения, которое всегда эмоционально мотивировано» [1, с. 42], поэтому неудивительно, что лексика любого языка содержит единицы, способные называть и выражать разнообразные эмоции. Как эмоции делятся психологами на простые (базовые, фундаментальные) и производные (комплексные) [2; 3], так и эмотивная лексика может передавать информацию об эмоциях по-разному. Так, в определении эмотивной единицы может иметься прямое и четкое указание лишь на одну эмоцию, например: *grief* ‘печаль’ – ‘deep sorrow, especially that caused by someone's death’ [4]; *падасць* – ‘пачуццё вялікай асалоды’ [5]. Вместе с тем в языке существуют слова, которые потенциально могут выражать две и более разноаспектные эмоции, причем в конкретном контексте, как правило, реализуется лишь одна из них, например: *to shriek* ‘вопить’ – ‘utter a high-pitched piercing sound or words, especially as an expression of **terror**, pain, or **excitement**’ [4]; *войкаць* – ‘вымаўляць, выкрыкваць «вой», выказваючы пачуццё болю, **жалю**, **прыкрасці**, **здзіўлення**’ [5].

Таким образом, целью настоящего исследования является установление способов конкретизации значений эмотивной лексики в художественном дискурсе на английском и белорусском языках. Для исследования были отобраны контексты, в которых употреблялись единицы, потенциально указывающие на несколько разноклассовых эмоций.

Проведенный анализ позволил выявить три ключевых способа, которые помогают определить конкретную эмоцию, реализуемую в том или ином контексте.

Рассмотрим первый способ – наличие в последующем контексте названия эмоции, соответствующего одной из эмоций, указанных в дефиниции рассматриваемой неоднозначной лексемы, или же эмотивной единицы, в свою очередь, содержащей в определении указание на одну из эмоций в анализируемой лексеме. Обратимся к примеру:

“It might as well be a hundred years,” she said **bitterly**.
(...) “Are you **angry** at me?” [6, p. 136 – 137].

Рассмотрению подлежит лексема *bitterly* ‘горько, резко’, которая определяется следующим образом – ‘in an angry, hurt, or resentful way’ [4], т.е. данное слово потенциально может выражать три разные эмоции. Обращение к последующему контексту позволяет отметить лексическую единицу *angry* ‘разозленный’, которая конкретизирует значение неоднозначной лексемы *bitterly* и помогает сузить его до аспекта ‘in an angry way’.

Проиллюстрируем также примером из белорусскоязычного дискурса:

Фелікс зірнуў у задняе шкло і застыў.

– *Гэта яны? – голас Фелікса выдаў спалох* [7, с. 49].

В данном примере интерес представляет глагол *застыў*, который потенциально может указывать на эмоции страха и удивления. Изучение последующего контекста позволяет обнаружить лексему *спалох*, тем самым уточняя эмоцию, которая реализуется в вышеупомянутом глаголе.

Второй способ заключается в наличии в предшествующем контексте слова, называющего эмоцию, или слова, в определении которого выделяется эмоция, соотносимая с одной из эмоций в дефиниции анализируемой единицы. Проиллюстрируем примером:

She sensed a perturbation. (...) she seemed discomfited herself [6, p. 163].

Лексема *discomfited* ‘расстроенный, находящийся в замешательстве’ имеет определение ‘feeling uneasy or embarrassed’ [4], т.е. может выражать одну из двух эмоций. Обращение к предшествующему контексту позволяет выявить, что в указанной единице реализуется компонент *uneasy*, т.к. встречающееся ранее слово *perturbation* ‘смятение’ определяется как ‘anxiety; mental uneasiness’ [4].

Рассмотрим еще один пример:

– *Не бойся*, – *адразу ж сказаў ён.*

– *А я і не баюся*, – *схлусіла Мятліцкая.*

– *Чаго тады такая зялёная ?* [8, с. 18].

Рассмотрению подлежит прилагательное *зялёная*, которое может свидетельствовать о переживании таких эмоций, как страх или волнение. Однако ближайший предшествующий контекст ясно определяет, что актуализирована именно эмоция страха, благодаря присутствию в диалоге глагольных форм *не бойся*, *не баюся*.

Как видно из приведенных примеров, контекст может быть ближайшим, т.е. в рамках одного предложения или обмена репликами, но также и более далеким – в рамках абзаца, а иногда – в пределах целой ситуации, охватывающей несколько абзацев.

Третий способ состоит в конкретизации значения неоднозначной единицы через анализ ситуации, в которой она реализуется. Ситуация может включать оценочную лексику, что помогает уточнить значение, или же не содержать ее, вследствие чего можно полагаться лишь на анализ внеязыкового контекста. Проследим данное положение на примере:

*She knew that he worked at the bomb plant and had **the most boring** of all the jobs there. He could jaw for hours about variable yields and bunker busters and kilotonnage, making himself out to be personally responsible for keeping the nation safe. She finally got **fed up** and told him the truth, namely, that he was a nobody and she **wasn't impressed** with these bombs that he didn't actually have anything to do with [6, p. 168].*

В приведенном примере необходимо обратиться к единице *fed up* ‘сытый по горло’, означающей ‘annoyed or upset at a situation or treatment’ [4]. Наличие в ближайшем контексте единиц *the most boring* ‘самый скучный’ и *wasn't impressed* ‘не была впечатлена’ позволяет утверждать, что героиня была скорее раздражена, чем огорчена происходящим.

Обратимся к примеру из романа на белорусском языке:

Я падышла да банкамата. На рахунку аказалася больш за дзве тысячы. Памятаю вочы Фелікса, вялікія, як сподкі [9, с. 42].

Выделенные части высказывания могут свидетельствовать как об испуге, так и о сильном удивлении. Изучение ситуации, в которой проявляется данная эмоциональная реакция, ведет к заключению, что наличие на банковском счете героини двух тысяч долларов, вероятно, вызовет удивление, а не страх.

Кроме того, были отмечены случаи со сложным взаимодействием эмотивных лексем, при котором происходила взаимная конкретизация неоднозначных единиц. В таких случаях каждая из лексем содержала в определении указание на несколько эмоций, и только при взаимном учете их значений можно было определить, какая же из ряда эмоций реализуется в контексте, например:

*The committee members were holding themselves erect, with self-importance but also with **awe and trepidation** [6, p. 156].*

В данном случае мы имеем дело с единицами *awe* ‘страх, благоговение’ – ‘a feeling of reverential respect mixed with fear or wonder’ [4] и *trepidation* ‘тревога, смятение’ – ‘a feeling of fear or agitation about something that may happen’ [4]. В каждой из дефиниций обнаруживается элемент *fear* ‘страх’, из-за чего можно заключить, что именно эта эмоция актуализируется в данной ситуации.

В таблице приведено количественное соотношение всех выявленных способов конкретизации значений эмотивных лексем в дискурсе на двух языках.

Статистически высокая представленность первых двух способов – указание на реализуемую эмоцию в предшествующем или последующем контексте – легко объясняется: таким образом автор направляет читателя и дает ему установку на относительно однозначную интерпретацию той или иной ситуации. Высокий процент ситуативной конкретизации значения, отмеченный в художественном дискурсе на белорусском языке, вероятно, можно объяснить тем фактом, что многозначная эмотивная лексика была употреблена в типовых ситуациях, имеющих лишь одну возможную интерпретацию в плане эмоций.

Количественное соотношение способов конкретизации значений
эмотивных лексем в художественном дискурсе на двух языках

Способ конкретизации значения эмотивной лексемы	Англоязычный дискурс, %	Белорусскоязычный дискурс, %
Последующий контекст	36	42
Предшествующий контекст	42	25
Ситуация	22	33
Из них:		
без оценочной лексики	17	28
с оценочной лексикой	5	5

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаховский, В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В. И. Шаховский. – М. : URSS : Либроком, 2010. – 124 с.
2. Изард, К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. – Санкт-Петербург : Питер ; Лидер, 2011. – 460 с.
3. Мягкова, Е. Ю. К проблеме исследования эмоциональности единиц индивидуального лексикона / Е. Ю. Мягкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://fcl.ksu.ru/winter.99/cog_model/myagkova.pdf. – Дата доступа : 08.09.2016.
4. Oxford English Living Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://en.oxforddictionaries.com>. – Дата доступа : 04.03.2017.
5. Электронный русско-белорусский словарь «Скарнік» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.skarnik.by>. – Дата доступа : 19.03.2017.
6. Franzen, J. Purity : A Novel / J. Franzen. – Farrar, Straus and Giroux, 2015. – 515 p.
7. Клімковіч, М. Цень Анёла: раман / М. Клімковіч, У. Сцяпан // Маладосць. – 2008. – № 1. – С. 49–81.
8. Клімковіч, М. Цень Анёла: раман / М. Клімковіч, У. Сцяпан // Маладосць. – 2008. – № 3. – С. 17–42.
9. Клімковіч, М. Цень Анёла: раман / М. Клімковіч, У. Сцяпан // Маладосць. – 2008. – № 2. – С. 37–70.

The present article deals with polysemantic emotive lexemes in fictional discourse. Three ways of specifying the meaning of these emotive words are singled out. The frequency of their occurrence in English and Belarusian fictional discourse is compared.